

УДК 82.0(091)

**ПОЧЕМУ ИСТОРИЮ УНИВЕРСИТЕТА НАПИСАЛ ФИЛОЛОГ?
(к истории создания Н.Н. Буличем книги
«Из первых лет Казанского университета. 1804–1819 гг.»)**

М.М. Сидорова

Аннотация

В статье рассматриваются факты и приводятся документы, связанные с идеей создания известной книги Н.Н. Булича по истории Казанского университета. Особое место среди них занимают письма Булича воронежскому краеведу М.Ф. Де-Пуле, которые в настоящее время находятся в рукописном отделе Пушкинского Дома. В процессе заочного общения с Де-Пуле Булич обращался к неразобраным архивам Казанского университета, что и послужило толчком для написания его истории.

Ключевые слова: Казанский университет, Н.Н. Булич, М.Ф. Де-Пуле.

Не вызывает сомнения тот факт, что история Казанского университета не была бы полной без первой фундаментальной работы о его прошлом – двухтомного труда профессора русской словесности Николая Никитича Булича (1824–1895) «Из первых лет Казанского университета. 1804–1819 гг.: Рассказы по архивным документам» (Казань, 1887, 1891).

В общей сложности работа над книгой заняла более 20 лет жизни казанского ученого. Еще в 1875 г. в «Ученых записках Казанского университета» появилась первая публикация под названием «Казанский университет в Александровскую эпоху». Но наиболее продуктивный и целенаправленный характер исследование Булича приобретает с 1885 г., когда он по собственному прошению ушел в отставку с поста ректора и полностью посвятил себя истории университета, работая, в сущности, до последних дней жизни, несмотря на преклонный возраст и болезнь.

Книга охватывала своим содержанием первое пятнадцатилетие истории Казанского университета (1804–1819): личность первого попечителя Казанского учебного округа Румовского и первого директора университета Яковкина, пестрый состав преподавательского корпуса (русские и иностранцы, настоящие ученые и случайно попавшие в их число), учебные занятия и научная деятельность, нравы первых студентов и их быт, взаимные отношения между университетом и казанским дворянским обществом, связь с учебными заведениями округа и т. п. Повествование полностью строилось на документальных материалах и сопровождалось самостоятельными характеристиками профессоров и студентов, серьезными размышлениями о прошлом и настоящем русской науки.

Первая «летопись» Казанского университета сразу же получила широкое признание. С рецензиями на нее выступили ведущие московские и петербургские периодические издания. Рецензенты ставили в заслугу автору основательное изучение многочисленных документальных источников, их бережную и корректную трактовку, что в целом и обеспечивало новизну подхода к изучению одной из страниц истории российского образования. «История Казанского университета, – писал “Вестник Европы”, – начата здесь в таких размерах, в каких мы не имеем истории другого нашего университета; архивный материал, по-видимому, изучен автором сполна, что называется – исчерпан; изложение остается везде ровным и спокойным; автор как бы уклоняется от решительных суждений о людях и событиях, предоставляя говорить фактам, и факты действительно говорят много интересного»¹ [1, с. 400].

Почти все рецензенты были единодушны в высокой оценке труда Булича. Они подчеркивали, что он важен для истории не только Казанского университета, но и всего российского образования, и более того – российского общества первых десятилетий XIX века. «Картина, нарисованная г. Буlichem, не только восстанавливает перед читателем прошлое собственно университетской жизни, но и освещает многие стороны жизни всего русского общества того времени», – писал «Библиограф» [2, с. 35]. «Книга с очень широким размахом; она дает массу фактических данных, важных как для историка университета, так и для всякого исследователя русской общественности», – отмечал «Исторический вестник» [3, с. 663]. С этими соображениями вполне соотносились высказывания рецензентов «Русской мысли», «Русской старины», «Вестника Европы», «Журнала Министерства народного просвещения».

Некоторые из рецензентов назвали «университетскую хронику» самым важным трудом казанского профессора. Возможно, так казалось и самому Буличу, отдавшему этой работе очень много сил и любви. «Автор так долго служил Казанскому университету, столь много обязан ему, что труд этот доставлял и доставляет ему большое наслаждение...» – писал Булич о своем отношении к этой работе в предисловии к первому тому [4, с. VI]. Это чувствовали и рецензенты: «Книга г. Булича – плод долголетних трудов, основанных на архивных документах, воспоминаниях современников и личном опыте, вынесенном из долголетнего служения Казанскому университету, почему и самый труд представляет для автора дорогое дело. Поэтому автор свою простую и правдивую историю университета, сравниваемую им с “простою хроникой”, и назвал “рассказами по архивным документам”» [5, с. 412].

Третьего тома рассказов из жизни Казанского университета не последовало, хотя его так ждала русская читающая публика. Главы, посвященные одному из самых интересных и непростых для университета периодов – времени ревизии и попечительства Магницкого – остались неопубликованными. «Удастся ли мне, при болезни, кончить Магницкого – не знаю, а время до крайности любопытное», – написал ученый в автобиографии [6, с. 132]. Но о том, что они все же были написаны, свидетельствуют слова профессора русской истории Д.А. Корсакова из некролога Н.Н. Булича: «Нам достоверно известно, что продолжение

¹ Здесь и далее материалы приведены с сохранением особенностей орфографии первоисточников.

истории Казанского университета вчерне уже составлено Николаем Никитичем, но сколько лет обнимает это продолжение с точностью мы не знаем; было бы очень желательно видеть его скорее в печати, так как, прежде всего, в нем должны явиться ревизия Магницкого и время его попечительства» [7, с. 9]. Вероятно, эту рукопись постигла та же судьба, что и весь архив Булича – гибель при пожаре в его имени Юрткули.

Почему же историк литературы, человек, широко известный современникам своими литературоведческими работами, вдруг обращается к архивам и с головой уходит в, казалось бы, далекую от его научных интересов область? Что подтолкнуло Булича к созданию труда, без которого не была бы написана сегодняшняя история Казанского университета? Теперь мы можем с уверенностью сказать, что стимулом для этого начинания послужила переписка казанского профессора с М.Ф. Де-Пуле. Шестнадцать писем Н.Н. Булича к Де-Пуле, датированных 1874–1878 гг., хранятся в рукописном отделе Пушкинского Дома¹.

Михаил Федорович Де-Пуле – преподаватель русского языка и истории в Воронежском кадетском корпусе (1848–1865), инспектор, а затем директор 1-й Виленской гимназии (1865–1868), позже чиновник особых поручений Главного управления военных учебных заведений в Петербурге, а с 1870 г. инспектор Полтавской военной гимназии – на протяжении всей жизни занимался литературным трудом. Его многочисленные литературно-критические, публицистические и педагогические статьи публиковались в «Московских ведомостях», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Атенее», «Русской беседе», «Времени», «Русской старине», «Русском слове», «Русском вестнике». В 1862–1863 гг. Михаил Федорович был редактором неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей», в 1865–1868 гг. – редактором «Виленского вестника».

Среди наиболее значительных работ Де-Пуле – очерк «И.С. Никитин», опубликованный в книге «Сочинения И.С. Никитина» (Т. 1. – Воронеж, 1869). В его основе лежала переписка поэта и личные впечатления Де-Пуле от общения с Никитиным в 1854–1861 гг. (по завещанию поэта Де-Пуле был его душеприказчиком). Широкую известность имела и монография Де-Пуле «А.В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке» (СПб., 1878), насыщенная реалиями из жизни Кольцова, впечатлениями от встреч Де-Пуле (в его гимназические годы) с поэтом.

В 1875 году Де-Пуле выступил в печати как автор очерка «Отец и сын: Опыт культурно-биографической хроники». Он был опубликован в «Русском вестнике» и посвящался Ивану Алексеевичу и Николаю Ивановичу Второвым. Второвы были тесно связаны с Казанью. Иван Алексеевич (1772–1844) последние 10 лет жизни провел в Казани. Библиофил и поэт, он был более известен как автор воспоминаний и дневников, которые вел до конца жизни (в том числе сочинения «Москва и Казань в начале XIX в.»). Николай Иванович Второв (1818–1865) в 1837 г. окончил отделение словесных наук философского факультета Казанского университета. Служил в канцелярии казанского губернатора, в 1838–1843 гг. был помощником библиотекаря Казанского университета,

¹ ИРЛИ (Пушкинский Дом). Архив М.Ф. Де-Пуле. Ф. 569. Ед. хр. 153.

в 1843–1844 – редактором неофициальной части «Казанских губернских ведомостей», где опубликовал свои первые статьи.

С ним-то и был лично знаком Михаил Федорович Де-Пуле. Знакомство состоялось в 1849 г. в Воронеже, куда младший Второв был назначен на должность советника губернского правления. Здесь Второв организовал историко-этнографический кружок и развернул энергичную деятельность по собиранию статистических сведений и разборке Древних актов Воронежской губернии. В этом проекте принимал активное участие и М.Ф. Де-Пуле. Интерес Де-Пуле к казанскому периоду жизни Второвых и привел (заочно) воронежского краеведа в Казань.

За помощью в сборе материала Де-Пуле обратился к редактору «Казанских губернских ведомостей» Н.Ф. Юшкову. Тот в свою очередь передал письма профессору Н.Н. Буличу – признанному знатоку истории Казани и Казанского университета. Еще в 1857 г. славяновед В.И. Григорович и историк С.В. Ешевский, представляя Булича в ординарные профессора, писали, что он «в настоящее время занимается документальной историей нашего университета, рассматривая дела университетского архива и официальные издания, а также собирая те воспоминания, которые сохранились в памяти старейших питомцев Казанского университета» [8, с. 111].

Так началась затянувшаяся на четыре года переписка, превратившаяся для казанского профессора в «беседы о старине казанской». Булич добросовестно и с неподдельным интересом отвечал на все вопросы Де-Пуле. В итоге на страницах шестнадцати писем Булича отразилась, как в зеркале, целая эпоха в духовной жизни Казани и всего Поволжья 30–40-х годов XIX в. Она была представлена в лицах профессоров и преподавателей университета, губернаторов и попечителей, писателей и чиновников, деятельности казанских периодических изданий и литературных салонов, событиях университетской жизни и общественных движениях. За сведениями Булич обращался к казанской и столичной периодике (с обязательной ссылкой на источник), делам университетского архива, памяти казанских старожилов, приводил собственные воспоминания, строил догадки.

Де-Пуле очень ждал этих писем и обращался к своему казанскому корреспонденту, ставшему добрым знакомым, все с новыми и новыми вопросами. И уже на страницах апрельского номера «Русского вестника» за 1875 г. появилась первая часть «опыта культурно-биографической хроники» «Отец и сын», где наряду с богатым историческим и литературным материалом, связанным с жизнью Второвых, было помещено множество любопытных фактов казанской истории, получивших впоследствии широкое распространение среди казанских краеведов именно благодаря очерку воронежского литератора. Автор благодарил за помощь Николая Никитича («При составлении настоящей хроники мы встретили самое живое содействие и предупредительную помощь со стороны профессора Казанского университета Н.Н. Булича, восполнившего наше незнакомство с Поволжьем и с казанскою стариной» [9, с. 494]), ссылаясь на него и даже включил в хронику целые фрагменты писем. Это совсем не беспокоило Николая Никитича: «Пожалуйста, не смущайтесь вопросом о том, как поступить Вам с моими сообщениями. Я отдаю их в полное Ваше распоряжение. <...> Чем реже Вы будете меня упоминать, тем для меня будет приятнее; я весьма мало щепетилен в этом отношении и посылал Вам свои сообщения, – во-первых, из уважения

к вашему труду, а во-вторых, из того, что эти воспоминания были и мне близки и дороги» (Письмо от 21 дек. 1874 г.).

Трудно заподозрить Николая Никитича в неискренности. Он неподдельно разделял радость Де-Пуле и после выхода в свет первых глав публикации сердечно благодарил его за публичную признательность.

Для самого Николая Никитича переписка с Де-Пуле стала толчком для создания труда по истории Казанского университета. В письме от 25 января 1875 г. он написал: «Но должен Вам сказать, что Вы именно, ваши вызывающие письма, ваше одобрение увлекли меня в сторону и побудили к труду, о котором я только мечтал. Стараясь иногда доставить верные справки в том или другом случае, я обращался к университетскому архиву, который... заключает в себе большие сокровища и мало разработан. К сожалению, настоящее помещение его не делает чести университету: половина архива помещается под крышей; на дела иногда сыплется снег, и падают капли дождя; старик архивариус уже очень стар и занят другими делами. Я знал о содержании архива нашего, который никогда не терпел от пожара, из описей... но вовсе не предполагал таких сокровищ, которые попались. В первых восторгах находки, я имел неосторожность (для Вас именно неожиданную) решиться заняться подробной, в роде любимой Вами хроники, повествовательной историей Казанского университета и дал слово тогда же начать ее с 1-ой книжки нашего университетского издания, которая должна выйти на днях и писать потом в книжку (их шесть) по три печатных листа». Так, в № 1 за 1875 г. «Известий и ученых записок Казанского университета» и появилась первая публикация Н.Н. Булича из цикла «Казанский университет в Александровскую эпоху»¹, который ляжет в основу первой историографии Казанского университета.

Письмо проливает свет на чрезвычайно важные факты, связанные с формированием замысла Булича. «Мой труд только начат; в этом начале только общее, только почти печатные источники, но далее, надеюсь, будет довольно любопытного. В моей истории нет вовсе официального характера; стараюсь писать как возможно проще, не брезгуя ничем и даже собственными воспоминаниями. Мне пришла мысль взяться за дела канцелярии Попечителя с 1803 года, со времени назначения Румовского попечителем. Этих дел никто не рассматривал. Вообразите, что с первой же пачки бумаг мне стали попадаться письма Яковкина, директора гимназии и председателя в Совете у[ниверсите]та до 1814 года, человека, управлявшего всем у[ниверсите]том, к Румовскому, начиная с 1804 года. Письма эти писаны каждую почту; в них малейшие подробности о каждом шаге у[ниверсите]та, анекдоты, скандалы, много о Казани и пр. Все эти письма раскиданы в безобразной массе бумаг. <...> За первые два года университета я собрал порядочную стопку, но у меня целая комната завалена неразобранными, покрытыми полувековой пылью бумагами. Представьте себе рыболова на берегу речки, вытаскивающего со страстным трепетом, из мутного омута рыбку за рыбкой; этот рыболов ваш покорнейший слуга. Этих писем Яковкина никто не читал кроме Румовского и меня!! Вы имеете полное

¹ Последующие статьи этого цикла будут опубликованы в «Известиях и ученых записках Казанского университета» (1875. № 2, 3; 1880. янв. – февр.), «Ученых записках Казанского университета по ист.-фил. фак.» (1886), «Ученых записках Казанского университета» (1890. Кн. 1, 2, 3, 5, 6.; 1891. Кн. 1, 2).

основание сказать, что я увлекаюсь; я согласен с Вами. Много жизни я растерял на разные увлечения, но, признаюсь, не жалею о том. Простите за такое длинное, личное вступление» (Письмо от 25 янв. 1875 г.).

Несмотря на увлеченность Булича работой, она продвигалась медленно. Обстоятельства, связанные с массой учебных и административных обязанностей, отвлекали профессора от исполнения задуманного. Впрочем, не только они. Весьма любопытны и трогательны описанные Буличем эпизоды современных ему университетских будней. «Составление и печатание казанской университетской хроники подвигаются понемногу одновременно. Вот уже девять больших печатных листов лежат передо мною. Летом еще напишу, а в сентябре напечатаю. Препятствий, впрочем, довольно. При самом начале редактор вздумал жениться и, увлекшись молодою и красивою невестою, совершенно забросил дело. Даже напечатанное никогда не рассылается. Весь мой барыш покуда состоит в том, что в «неделе» какой-то корреспондент из Казани же обругал меня за ошибки против грамматики, да Сухомлинов нашел в первой статье неизвестные ему сведения о Румовском, которые и перепечатает во 2 вып. своей «Истории рос. Академии». Читают только сослуживцы. Самый дорогой для меня чтец, старый воспитанник нашего университета, живая довольно хроника прошедшего, сильно меня любивший, не успел прочесть ни строчки и умер в конце апреля. А как он просил меня, чтоб я дал ему отдельные листы, очень его интересовавшие! Но этого нельзя было сделать в виду его болезни. Наконец, к довершению несчастья, вчера нашего архивариуса, человека 80 лет, ударил паралич и он лежит без языка, так что вряд ли встанет. Он один только мог указать дорогу в безобразном архивном хаосе нашем, а теперь придется самому сделаться архивариусом. Покуда листов на пять печатных материала хватит. А еще накануне мы подымались с ним по чугунной лестнице на самый верх, под крышу, и славный старик, опираясь на палочку, добродушно улыбаясь, жаловался, что лестница испортилась и что очки уже никуда не годятся. Жаль мне его очень.

Несмотря на все эти препятствия, работа будет продолжаться, но конца ее я никак не предвижу» (Письмо от 22 мая 1875 г.).

Более десяти лет отделяли эти строки от выхода первой исторической книги о Казанском университете, написанной филологом и получившей высокий положительный резонанс у российской общественности.

Любопытно: какова была реакция казанских историков на ее выход? Среди массы позитивных откликов на книгу имелся один-единственный с негативной оценкой работы Булича. Он принадлежал приват-доценту (а в будущем – профессору Казанского университета) Н.Н. Фирсову. Выступив со статьями в «Известиях общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете» [10], а также в «Ученых записках Казанского университета» [11], он подверг критике труд Булича, упрекнув последнего в выборе источников исследования, в частности: донесений более или менее пикантного свойства, судебных дел, «Книги о поведении», которую вел инспектор Броннер лично для себя. Ложным считал Фирсов мнение Булича о грубости нравов и испорченности студенческой молодежи и уличал автора в отсутствии надлежащего исторического метода и логической мысли.

По-видимому, это и была та статья, которая больно ранила старого профессора. Настолько, что на склоне лет он не преминул вспомнить об этом в своей автобиографии. «Несмотря на то, что меня выбрали в почетные члены, что я совершенно бескорыстно занялся историей Казанского университета, в том же самом органе, где она печатается... напечатана грубейшая брань на меня одного из бывших сослуживцев и напечатана “по определению факультета”! Да “либо ручку пожалуйте, либо в морду”! Как говорит Михайловский» [6, с. 128].

Трудно сказать, что это было – сведение ли личных счетов между коллегами или попранное чувство гордости за свой университет. Отзыв остался без поддержки. А труд Булича стал первым камнем, вернее фундаментом для воссоздания истории Казанского университета, работа над которой неоднократно предпринималась впоследствии. Правым оказался рецензент с псевдонимом Бега, написавший в майском номере журнала «Исторический Вестник» за 1905 г.: «Рассказы, собранные г. Буличем в книге “Из первых лет Казанского университета”, не составляют истории университета в полном смысле этого слова, – они дают лишь материал для будущего историка его, но материал не сухой, бесцветный, а разносторонний, выхваченный из самой жизни» [3, с. 663].

Этим материалом воспользовались в начале XX века Н.П. Загоскин, в советское время М.К. Корбут, создав уникальные труды по истории Казанского университета. Они выражали при этом глубокое уважение и благодарность Буличу. Загоскин писал в предисловии к «Истории Казанского Императорского университета»: «Почтенный труд автора, широкою рукою пользовавшегося личным архивным и печатным материалом, не может быть обойден ни одним исследователем в области начальной поры жизни Казанского университета. С этой точки зрения книга Н.Н. Булича является неоцененным подспорьем и для нашего труда в пределах эпохи, интересовавшей собою покойного автора “Рассказов”» [12, с. XXVIII].

М.К. Корбут, называя своими предшественниками по труду Булича и Загоскина, писал в начале работы: «С подавляющим большинством заключений и выводов Булича и Загоскина редко кто теперь согласится, но тот громадный фактический материал, который ими разработан и представлен читателю, будет еще не один десяток лет служить основным кладезем, откуда станут черпать для себя сведения лица, интересующиеся историей Казанского университета и отдельных его учреждений» [8, с. 4].

Конечно, труд Булича, как всякий первый опыт, не был лишен недостатков, в частности библиографического характера. Об отсутствии ссылок на архивные дела упоминали Загоскин и Корбут. Но, хочется надеяться, обширные цитаты, приведенные выше, позволяют реабилитировать Николая Никитича. Письма Булича к Де-Пуле свидетельствуют о том, что долгое время документы университета находились в беспорядке, они попросту не были заархивированы. Небрежность по отношению к документу, неточность в ссылках вообще не были свойственны Буличу как ученому. Об этом свидетельствует не только каждая из написанных им работ, но и многочисленные воспоминания современников.

Работа Булича занимает особое место в ряду историй Казанского университета еще и потому, что написана не историком в буквальном смысле этого слова, а филологом и философом (если учитывать философское образование Булича).

И потому не имеет равных себе по меткости характеристик, умению в малом увидеть многое и, наконец, по блестящему языку, которым она написана. На это обращали внимание все, кто был знаком с книгой.

Summary

M.M. Sidorova. Why was the History of Kazan University Written by a Philologist? (The History of Creation of the Book "From the First Years of Kazan University. 1804–1819" by N.N. Bulich).

The article deals with the facts and documents concerning the creation of a well-known book of N.N. Bulich devoted to the history of Kazan University. The letters written by Bulich to a Voronezh specialist in local history M.F. De-Pule, which are now kept in the manuscript department of Pushkin House, have special significance among them. During long-distance contacts with De-Pule, Bulich worked at unsorted archives of Kazan University. This encouraged him to write its history.

Key words: Kazan University, N. Bulich, M. De-Pule.

Литература

1. [Рецензия] // Вестн. Европы. – 1891. – № 5. – Лит. обзор. – С. 400–402.
2. *Е.Ш.* // Библиограф. – 1892. – № 1. – Отд. Критика и библиография. – С. 34–35.
3. *Беге* // Историч. вестн. – 1905. – № 5. – С. 663–667.
4. *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам: в 2 ч. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1887. – Ч. 1. – X, 639 с.
5. *Э.Р.* // Журнал Министерства народного просвещения. – 1887. – Ч. ССLI (251). – С. 411–412.
6. *Булич Н.Н.* [Автобиография] // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): Т. 1–6. – СПб., 1897–1904. – Т. 6. – С. 124–132.
7. *Корсаков Д.А.* Николай Никитич Булич: Некролог и речь, произнесенная у его гроба, 28 мая, в день погребения. – Казань: Скоропечатня Л.П. Антонова, 1895. – 14 с.
8. *Корбут М.К.* Казанский государственный университет им. В.И. Ленина за 125 лет (1804/5–1929/30): в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. – Т. 2. – 385 с.
9. *Де-Пуле М.Ф.* Отец и сын: Опыт культурно-биографической хроники. Гл. I–II // Рус. вестн. – 1875. – Т. 116, Апрель. – С. 494–544.
10. *Н.Н.Ф.* // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Казан. ун-т, Казань: 1892. – Т. 10, Вып. 3. – С. 349–353.
11. *Фирсов Н.* Несколько слов по поводу нескольких слов в сочинении проф. Н.Н. Булича // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1890. – Т. 57, кн. 6. – С. 214–219.
12. *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904): в 4 т. – Казань: Типолитограф. Казан. ун-та, 1902. – Т. 1. – XLV, 56, XIX с.

Поступила в редакцию
10.02.11

Сидорова Марина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: sidorova@kazandom.ru